

По словам В.Н. Телии, «разделы культурологического комментария призваны описать те культурно-смысловые слои, которые в явном или опосредованном виде выражены в образном основании фразеологизмов, указать на их роль в этом образном содержании, а также на способность фразеологизмов выступать в функции знаков «языка» самой культуры [Телия 2006: 781].

Таким образом, содержание, которое образуется в результате данных операций, составляет культурную коннотацию фразеологизма, основным носителем которой является образное основание (внутренняя форма) фразеологизма. Культура – это особый тип знания, отражающий сведения о самопознании человека в процессе его жизнедеятельности, многоуровневая конструкция, включающая различные пласты познания, это способ ориентации человека во всех сферах его социального и духовного бытия на основе нормативно-ценностных установок и эталонов народа.

Литература

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. 2-е изд., стер. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.

Добровольский Д.О. Типология идиом // Фразеография в Машинном фонде русского языка. М.: Наука, 1990.

Зимин В.И., Спиринов А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь. Изд. 3-е, стереотип. Ростов н/Д: Феникс, Москва: Цитадель-трейд, 2006.

Ковшова М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): Автореферат дис. ... докт. филол. наук. Ин-т языкознания РАН. М., 2009.

Маслова В.А. Лингвокультурный аспект русской фразеологии // Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 3-е изд., испр. М.: Издательский центр «Академия», 2007. С. 82-88.

Опарина Е.О. Лексические коллокации и их внутрифреймовые модусы // Фразеология в контексте культуры. М.: «Языки русской культуры», 1999.

Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Л.С. Тихомирова (Россия, Пермь)

РОЛЬ АНАЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В УПЛОТНЕНИИ НАУЧНОГО ТЕКСТА

Проблема построения научного знания в тексте (в частности, научном) и его понимания обусловлена переходным, интегративным характером восприятия текста. Сегодня можно наблюдать аксиологический сдвиг, предвещающий совершенно иной, новый тип текста, подверженный тенденциям электронного интернет-формата речи. При этом нам видится, что плотный текст – это не какая-то особая форма речи, а скорее отражение особого стиля мышления автора как процесса сближения (конвергенции) электронной (технологической) и традиционной форм переработки научной информации.

Содержание этой статьи лежит на стыке таких областей знания, как теория текста [Валгина 2003; Кубрякова 2003; и др.], лингвостилистика [Митрофанова 1973; Кобков 1975; Гальперин 1981; Телия 1988; Алексеева 1998 и др.], программное моделирование [Урсул 1971; Павлов 1993; Островский 1999; и др.], философия [Герасимова 2006; Калинин 2004; Кластер 2005; и др.], психология [Петухов 1987; Халперн 2000; Немов 2003; и др.]. В целом вырисовывается сложная комплексная картина, нуждающаяся в анализе. Задача данного исследования выходит за рамки каждой из названных областей знания, но ввиду её предполагаемой важности мы предприняли попытку выполнить обобщение в пределах концепции *роль аналитического мышления в уплотнении содержания научного текста*. Анализ публикаций, представляющих разные направления работ по уплотнению текста, показывает, что для формирования данной концепции требуется (по существу) интеграция отдельных аспектов исследований.

Процессуальные характеристики уплотнения научного текста позволяют выявить особенности индивидуального аналитического мышления как процесса установления этапов и отношений в формировании научного знания.

Плотный текст мы понимаем как текст, у которого познавательный центр «повсюду», а «периферия» – нигде. Если выражаться образно, то пространство научного текста можно сравнить, с одной сторо-

ны, – с «путешествием» по мирозданию науки, со стремлением автора расширить, развить знание, а с другой стороны, – с путешествием «без перемещения», поскольку автор концентрируется на решении собственной проблемы, задачи, углубляясь в её суть. Поэтому от выбора научного пути изложения зависит, насколько точно и убедительно будет представлено знание в тексте. Каждая новая идея в содержательно плотном научном тексте – это не просто дополнение к прежним, это «бурлящая» мысль, создающая многослойность идей.

Для плотного научного текста (которому свойственен процесс уплотнения) устоявшееся знание – это своего рода «смерть», поскольку знание становится самодостаточным. В данном случае знание уже не способно открывать новых горизонтов, и для него нет возможности выйти из закрытого научного пространства текста. Плотный научный текст – это не «консервация» старого знания, поэтому он обязан объявлять «протест» любой форме самоуспокоения и удовлетворения автора от приобретенных знаний, призывая к «неравновесному» состоянию, в пространство неизвестного, где нет ещё всех ответов на поставленные вопросы. Поэтому в плотном тексте должно отражаться не столько старое (пусть переработанное) знание, сколько воображаемое, созданное, может быть, посредством интуиции знание. Благодаря аналитическому мышлению знание, выработанное в одной сфере науки, должно использоваться и трансформироваться в других областях науки для решения совершенно иных задач.

Для достижения поставленной задачи в данной статье мы будем не только стремиться выявить то, что лежит «за текстами» или «скрыто» в них, но и будем изучать процесс движения, перемещения фрагментов знаний, что, безусловно, отражает индивидуальный стиль научного мышления и механизм уплотнения знания в тексте. Вслед за М.М. Бахтиным можно сказать, что «текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контекста текстов вспыхивает свет, освещающий и назад, и вперед, приобщающий данный текст к диалогу» [Бахтин 1979: 36]. Как справедливо отмечает М.П. Котюрова, основываясь на исследованиях по психологии мышления и конкретном стилистическом анализе научных текстов, «аналитичность как одно из важнейших качеств мышления ученого получает широкое выражение в научных произведениях. Поэтому можно «реконструировать» данное свойство мышления автора и показать характер его реализации в тексте» [Котюрова 1994: 56].

Понимание научного плотного текста связано с моделированием его смысла как продукта научно-коммуникативной компетенции человека. Осмысление структуры научного знания в тексте, рациональное использование языковых единиц в соответствии с содержанием текста, его жанром и общей коммуникативной направленностью невозможно без аналитико-синтезирующего мышления автора.

В настоящее время известно множество определений аналитического мышления. Среди них с определенной долей условности можно выделить:

1) *лаконичные, но лишенные конкретности формулировки: аналитическое мышление – «особый вид умственной деятельности, позволяющий человеку вынести здравое суждение о предложенной ему точке зрения или модели поведения»* [Калинников 2003: 40];

2) *определения философской ориентации, акцентирующие внимание на теоретических аспектах: «Аналитическое мышление проявляется в использовании когнитивных техник или стратегий, которые способствуют увеличению вероятности получения желаемого результата. Значит, мышление отличается контролируемостью, обоснованностью и целенаправленностью. Это такой тип мышления, к которому прибегают при решении задач, формулировании выводов, вероятностной оценке и принятии решений. При этом думающий использует навыки, которые обоснованы и эффективны для конкретной ситуации и типа решаемой задачи* [Халперн 2000];

3) *определения психологической ориентации, акцентирующие внимание на мотивационных аспектах развития способностей к критическому мышлению: «Аналитическое мышление носит рефлексивный характер и имеет отношение к общению, к психологии личности. Оно связано не только с познавательной (когнитивной), но и с мотивационной сферой, с самосознанием. Когда же мы имеем дело не с мыслями людей, а с явлениями материального мира, то нам бывает вполне достаточно обычного мышления»* [Ноль-Цигульская].

На наш взгляд, аналитическое мышление ученого позволяет найти ориентир в условиях переизбытка разнообразной информации, научить адекватно воспринимать ее, анализировать, иметь представление о механизмах и последствиях ее влияния на читателей и слушателей. Односторонняя или искаженная информация, несомненно, нуждается в осмыслении. Вот почему считается необходимым определять различия между фактами общеизвестными и требующими проверки, устанавливать надежность источника ин-

формации, видеть пристрастность суждения, неясность или двусмысленность аргументов, логическую несовместимость в цепи рассуждения и т. д.

Нельзя не признать, что вне зависимости от рода деятельности человек, не подготовленный к восприятию информации в различных ее видах, не может полноценно ее понять и анализировать, не в силах противостоять манипулятивным воздействиям медиатекстов (если такая манипуляция имеет место), не способен к самостоятельному / автономному выражению своих мыслей и чувств по поводу прочитанного/ услышанного/ увиденного.

Цель научного пути не просто аналитическое понимание, но «аналитическая автономия» [Мастерман 1993: 23], т.е. способность человека к самостоятельному аргументированному суждению о других текстах. Размышляя об образовательной парадигме «медиа как популярная культура» (popular arts paradigm), основанной на избирательном принципе и ориентации на лучшие произведения, Л. Мастерман справедливо указывает, что «само понятие избирательности имеет двойной смысл. С одной стороны, оно имеет положительное значение – «выбирать лучшее». С другой стороны, оно означает «несправедливое исключение» [Мастерман 1993: 22-23]. Между тем Л. Мастерман считает, что цель формирования избирательного подхода на основе неких критериев оценки качества информации помимо всего прочего практически недостижима, так как в мире не существует четких и доказательных критериев оценки текстов. «Кажущаяся нам ценной и важной информация может встретить совершенно иную оценку у людей, преследующих другие цели, у тех, кто придерживается иных взглядов, принадлежащих к иным культурам, и живет в другом обществе или в другое историческое время». Так или иначе, нужно будет постоянно сталкиваться с вопросами «Ценность для кого? Ценность для чего? Ценность, отвечающая каким критериям?» [Мастерман 1993: 23].

Но мы убеждены, что эти вопросы должны быть отодвинуты от центра внимания, чтобы облегчить путь к главной цели: развить понимание научного знания в тексте, – как и в чьих интересах это знание создается, как оно организовано, что означает, как оно реализовано в тексте, и как это представление «читается» аудиторией.

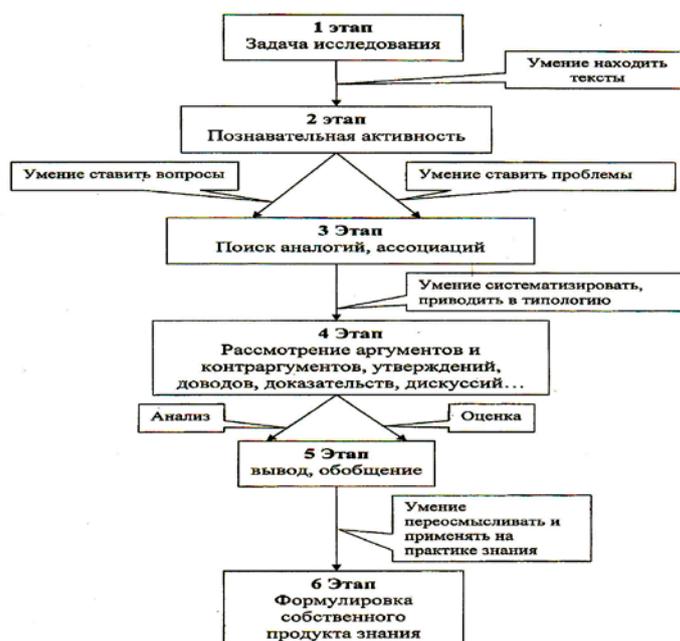
Отсюда возникает задача формирования аналитического мышления по отношению к системе функционирования научных текстов различных видов и жанров. Рассматривая развитое аналитическое мышление как обязательный компонент мышления современного ученого и синтезируя имеющиеся определения, можно считать, что *аналитическое мышление* по отношению к системе функционирования плотных научных текстов – это сложный рефлексивный процесс мышления, который включает ассоциативное восприятие, анализ и оценку механизмов функционирования знания в научном пространстве. При этом развитие аналитического мышления – не итоговая цель научного мышления, а его постоянный компонент.

Стоит отметить, что содержание научных текстов «зачастую не поддается строго однозначному восприятию. Образность, метафоричность, смысловая многослойность научного содержания, множественность языков (кодов), используемых при его создании, осложняют его рациональное прочтение и понимание. Поэтому, основываясь на анализе рассмотренной выше литературы, наметим примерные этапы формирования аналитического мышления (см. схему 1).

Из представленной схемы видно, что последний этап развития аналитического мышления в тексте является этапом творческого переосмысления уплотненного научного знания, завершающим звеном в познавательном процессе.

Именно анализ мышления как процесса, выявление его детерминант явилось той базой, на основе которой нам удалось установить следующее. В зависимости от того, рассматривает ли ученый решение задачи как средство для осуществления внешних по отношению к познанию целей или оно само есть цель, определяется и судьба познавательного процесса. В первом случае он обрывается, как только решена задача. Если же цель есть само познание, этот процесс продолжается и развивается. Здесь мы наблюдаем самодвижение познавательной деятельности – феномен, который приводит к выходу за пределы заданного, что и позволяет увидеть «непредвиденное». В этом выходе за пределы заданного, в способности к продолжению познания за рамками требований заданной (исходной) ситуации, т.е. в ситуативно нестимулированной деятельности, и кроется тайна высших индивидуальных форм творчества, способность «видеть в предмете нечто новое, такое, чего не видят другие». Индивидуальное творчество, в узком смысле слова, начинается там, где познание перестает быть *только ответом*, только решением заранее поставленной задачи. При этом оно остается и решением, и ответом, но вместе с тем в нем есть нечто «сверх того», что и определяет его индивидуальный статус.

Этапы и умения, способствующие развитию аналитического мышления ученого

Как известно, аналитическое мышление очень близко к логическому (понимаемому как процесс построения доказательств принимаемого решения, последовательности действий, понимания внутренней логики решаемой проблемы, продуцирование логики предпринимаемых для решения проблемы) и системному мышлению (понимаемому как процесс рассмотрения объекта и проблемы в целостности их связей и характеристик), но является прямой *противоположностью* мышления творческого: «Творческое мышление – это мышление, результатом которого является открытие принципиально нового или усовершенствованного решения той или иной задачи [Кластер 2005: 7-11]. Аналитическое мышление представляет собой проверку предложенных решений с целью определения области их возможного применения. Для эффективного решения задач необходимы оба вида мышления, хотя используются они раздельно: творческое мышление является помехой для аналитического, и наоборот» [Линдсэй <http://www.tsure.ru/University/Faculties/Fib/PiBG/creativt.html>].

Не совсем соглашаясь с приведенным выше тезисом, мы полагаем, что в научном мышлении невозможно (да и не нужно) противопоставлять разные виды мышления. Так, размышляя о природе творческого мышления, С.Заир-Бек, на наш взгляд, резонно отмечает: «провести четкую границу между тем или иным видом мышления сложно. Можно сказать, что творческое мышление – это отправная точка для развития аналитического, и наоборот. Аналитическое и творческое мышление развиваются в синтезе, взаимообусловленно» [Заир-Бэк http://zhurnal.lib.ru/c/cigulxskaja_t_f/criticalthink.shtml].

Разумеется, при структурировании плотного научного текста можно выделить ряд принципов [Герасимова 2006: 95] развития аналитического мышления, которые выражаются бинарными оппозициями.

Так, например, «*принцип корреляции и его следствия*, описанный в логике и философии, предполагает, что одно явление не существует без другого» (Герасимова 2006:95). Действие одного принципа можно проследить на примере медицинского текста: «Химическая травма (острые и хронические отравления) может вызвать *летальные исходы, хронические заболевания и инвалидизацию* людей. Проблема химической безопасности и реабилитации пострадавших актуальна... [Рыбалко 2000: 22].

Из текста видно, что «химическая травма» влечет за собой комплекс осложнений в виде «хронических заболеваний», «инвалидизации людей» и «летальных исходов». Такой принцип взаимообусловленности, корреляции обеспечивает емкость информации.

Универсальный принцип корреляции имеет частные следствия: если актуализируется одно начало, то проявляется и другое – противоположное (*принцип активации*): «*Отдаленные результаты эндопротезирования тазобедренного сустава имплантатами отечественного производства и ряда стран СНГ и СЭВ очень неубедительны*. Возникновение массы отечественных моделей восходит к эндопротезу BiMetric фирмы Biomet, эндопротезам Споторно, Мюллера, Exeter фирмы Pfizer. *Бездумное копирование* неплохих, но уже *устаревших* эндопротезов, в сочетании с *низким качеством конечного продукта* и применением

некондиционных материалов и технологий, привело к *росту негативизма* у российских ортопедов к отечественной продукции. Стремление наших производителей применить в производстве «дешевые» материалы (титановые сплавы для головки, некачественный полиэтилен, некачественную керамику и т.д.) ведет к *серьезным осложнениям после операции...* Использование термоводородной обработки (ТВО) титановых головок в сочетании с *плохой сферичностью и полировкой* может привести к их *разрушению* при их работе в организме. От подобных методик за рубежом отказались.

Следующая ошибка отечественных производителей связана с *бездумным копированием и повторением* конструктивных просчетов (использование для фиксации полимерных вкладышей различных лепестков, усиков, защепок, прорезей, принципа клина в различном сочетании и т.д.) От подобных способов крепления *давно за рубежом отказались...* [Надеев 2000: 139].

В приведенном тексте можно наблюдать, как автор намеренно активизирует (усиливает) негативное действие «отечественных эндопротезов» вследствие «бездумного копирования устаревших импортных моделей». В данном случае концентрация (плотность) опровергающего знания создается благодаря противодействующим сторонам отечественного и зарубежного производства.

Дополнением к принципу активации служит *принцип аннигиляции*: если иссякает одно противоположное начало, то не будет и другого. Принцип аннигиляции означает снятие напряжения, переход в пассивное («рыхлое») состояние, выход за пределы действия противоположных начал.

«У больных с *острым отравлением ФОИ* возникают различные осложнения (пневмонии, паралич дыхания, полиневриты, нарушения сердечно-сосудистой системы и др., которые приводят к летальному исходу или у выживших к инвалидизации. *Применение обычных схем лечения не предупреждало осложнений* и как следствие *инвалидизации* больных. Включение в схему *комплексного лечения отравлений ФОИ* тяжелой степени больших доз холинолитиков (до 100-150 мг в сутки на иону калия) *предупреждало развитие периферического паралича дыхания, полиневритов, улучшало показатели сердечно-сосудистой системы. Уменьшались летальность* и срок лечения. Больных, как правило, **выписывали** непосредственно на работу» [Рыбалко 2000: 22].

В данном случае изложение построено таким образом, что одно начало – «острое отравление ФОИ у больных, приводящее к летальному исходу», и другое, противоположное – «применение обычных схем лечения не предупреждало осложнений и как следствие инвалидизации больных» – *локализируются* благодаря третьему началу – «включение в схему комплексного лечения отравлений ФОИ». Следует подчеркнуть, что в этом случае острота напряжения снимается и два противоположных начала – «острые осложнения после отравления» и «применение обычных схем лечения» – переходят в индивидуальный интеллектуальный пассив, о котором автор в дальнейшем больше не вспоминает. Необходимо признать, что такой скрытый категорический отказ (от первых двух положений) приводит к уплотнению знания в статье.

Чтобы выделить свою точку зрения, свое решение, подчеркнуть статус собственного знания, ученые нередко создают контрастный фон за счет противопоставления. Научные дискуссии, представленные в тексте, могут служить подтверждением. Рождается ли истина в споре – это вопрос спорный, но несомненно, что противостояние в «мысленном поединке» стимулирует изобретательность и закаляет творческую волю. История научных дискуссий изобилует примерами непримиримых «боев» между учеными, когда оппонента вовсе не удается переубедить, скорее, лучше понимаются и до деталей отстаиваются свои собственные позиции. И тогда, по-видимому, вступает в силу *принцип поляризации*: если усиливается крайнее проявление одного начала, то усиливается и крайнее проявление противоположного начала [Герасимова 2006].

По принципу поляризации построены два следующих интересных аргумента – аргумент от корреляции, представляющий собой типичную апелляцию к языку (к логике), и аргумент от антиномии, апеллирующий к познавательному опыту. Приведем красноречивый пример. Размышляя над проблемой возникновения добра и зла в контексте христианских воззрений, Н. Бердяев в книге «О назначении человека» пишет: «*Проблема этики не может быть поставлена, если не признавать, что возникло различие между добром и злом, и возникновению этого различия предшествует состояние бытия «по ту сторону добра и зла» или «до добра и зла». «Добро» и «зло» коррелятивны, и в известном смысле можно сказать, что «добро» возникло лишь тогда, когда возникло «зло», и падает с падением «зла». Это и есть парадокс этики. Рай и есть то состояние бытия, в котором нет различения и оценки. Можно было бы сказать, что мир идет от первоначального неразличения добра и зла через резкое различение добра и зла к окончательному неразличению добра и зла, обогащенному всем опытом различения* [Бердяев 2003: 47].

С одной стороны, уже в самом языке укоренена привычка мыслить противоположностями, а с другой – сам познавательный опыт не мыслится при известном ходе рассуждений без различения оппозиций. Невозможно познать, что такое добро (хорошее, любовь, справедливость), не сравнивая его со злом, не зная, что такое зло (плохое, ненависть, несправедливость).

От диалектических стратегий отличаются формально-логические. В основе аналитического стиля лежит так называемая *противоречивая противоположность*, или просто *противоречие*: возникновение одного противоположного начала означает устранение другого начала. [Герасимова 2006: 96]. Приведем пример противоречия в области философии:

«В.В. Орлов **резко критикует** всех, кто хоть в чем-то не согласен с его точкой зрения, но при этом *по-настоящему не вникает в суть высказываний своих оппонентов*, а потому *искажает* их на каждом шагу» [Матвеев 1998: 69].

«М.Н. Матвеев в *весьма упрощенной и превратной форме изложил наши представления* о парадоксе и противоречии развития, теневой системе; он приписывает нам, например, идею *взаимооднозначного соответствия высшего и низшего*» [Орлов 1998: 55].

Подчеркнем, что категорическая оценка в тексте зарождает противоречие и в то же время способствует устранению позиций как Орлова, который «резко критикует», так и оппонентов, которые, очевидно, искажают эти позиции «на каждом шагу». Зарождение крайне противоречивой оценки Орлова о высказывании Матвеева во втором тексте ставит под сомнение саму концепцию Орлова. Таким образом, в критической оценке кроется одновременный анализ двух концепций, что, несомненно, отражает индивидуальное уплотнение знания в тексте.

Принцип противоречия означает, что противоположные начала разделяются и мыслятся как изолированные. Разделение оппозиций и выбор одной из них лежит в основе логических стратегий и доказательств.

На наш взгляд, в плотности содержания научного текста важную роль играет принцип, который выделяется в логистике, – *принцип гармонии* [Герасимова 2006], который понимается как норма взаимодействия «полярности» знаний. Грубые нарушения релевантного и нерелевантного равновесия в знании, рыхлого/вязкого и плотного текста могут привести к смысловому «сбою» текста. Однако равновесие не может быть чистым или абсолютно устойчивым, иначе не будет движения; для творчества необходимы как равновесие, так и неравновесие, но во всем должна быть сбалансированность. Об этом красноречиво пишет индийский философ Вивекананда: "Истинного равенства никогда не было и никогда не будет ни в мыслях человека, ни на земле. Если бы все частицы материи оставались в равновесии, разве мог бы совершаться процесс творчества? ... Неравенство лежит в основе творчества. Тем не менее силы, стремящиеся установить равенство, являются таким же необходимым фактором творчества, как и те, что нарушают его" [Вивекананда 1992: 77].

Гармонизация знания в научном тексте делает возможным объективацию мыслей и эмоций. Автор текста дает им оценку, тем самым может развить, усилить или прекратить их действие. Следует признать, что, по мнению психологов [Блонский 1979: 118 – 341; Вертгеймер 1987; Видинеев 1989: 50 – 112; Немов 2003: 273 – 307; Петухов 1987; и др.], с эмоциями можно работать как с материалом в творческой деятельности. Состояние самообладания не предполагает «лишенности» эмоций вообще, а скорее работу с ними на когнитивном уровне. В состоянии самообладания пробуждаются глубинные составляющие когнитивного опыта, человек начинает слышать голос интуиции, приобретает способность *правильного, мгновенного распознавания*. В когнитивном аспекте самообладание можно оценить как «фокус», в котором возможен переход от целостного видения ситуации, мгновенно-интуитивного схватывания и озарения к ее локальному осознанию, «преобразование глубинно-континуального знания в осознаваемо-дискретное («квантование смысла»)» [Герасимова 2006].

Анализ материала показал наличие большого количества моделей структурирования научного знания по принципу аналитической двойственности, а также – в большинстве случаев – двойственности, переходящей в триадичность.

Итак, мы представили понимание аналитического мышления, рассмотрели вопросы о влиянии научного мышления на уплотнение содержания текста, о действии принципов полярностей и противоположных начал, о прогнозируемых свойствах и требованиях к плотному научному тексту и др. Эти вопросы имеют целью очертить ту перспективу (вполне практического характера), в рамках которой может

быть поставлен интересный эксперимент по выявлению особенностей аналитико-синтетического мышления в уплотнении содержания научного текста.

Литература

- Алексеева Л.М.* Проблемы термина и терминообразования: учеб. пособие по спецкурсу. Перм. ун-т. Пермь, 1998. 120 с.
- Бахтин М.М.* Проблема содержания, материала и формы в словесном творчестве // Вопросы литературы и эстетики. М., 1979. С. 6-71.
- Блонский П.П.* Избранные педагогические и психологические сочинения, Т. 2. М., 1979. 341 с.
- Валгина Н.С.* Теория текста. М., 2003. 280 с.
- Вергеймеймер Н.* Продуктивное мышление. М., 1987. 335 с.
- Вивекананда С.* Философия. Магнитогорск, 1992. 499 с.
- Видинеев Н.В.* Природа интеллектуальных способностей человека. М., 1989. 175 с.
- Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 138 с.
- Герасимова И.А.* Принцип двойственности в когнитивных практиках // Вопросы философии. № 3. М., 2006. С. 90-10.
- Калинников Л.А.* «Критицизм» Канта и становление критического мышления // Критическое мышление, логика, аргументация. Отв. ред. В.И. Маркина. Калининград, 2004. С. 35-50.
- Котюрова М.П.* Критическое мышление как учебная дисциплина (к вопросу о программе) // KSZTALCENIE POROZUMIEWANIA SIL. OPOLE, 1994. С.51-63.
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание. М., 2003. 580 с.
- Митрофанова О.Д.* Научный стиль речи: Проблема обучения. М., 1976. 137 с.
- Мастерман Л.* Обучение языку средств массовой информации // Специалист. № 4. М., 1993. С. 22-23.
- Надеев А.А., Надеев Ал.А.* Проблема исследования отечественных имплантантов при эгдопротезировании тазобедренного сустава // Человек и его здоровье. С.-Петербург, 2000. С.133-165.
- Немов Р.С.* Психология. Книга 1. М., 2003. 688с.
- Нозль-Цигульская Т.Ф.* О критическом мышлении. http://zhurnal.lib.ru/c/cigulxskaja_t_f/criticalthink.shtml (обращение 14.10.2010).
- Острейковский В.А.* Информатика. Учеб. для вузов. М., 1999. 511с.
- Павлов Т.* Язык науки. М., 1989. 216 с.
- Петухов В.В.* Психология мышления. М., 1987. 90 с.
- Рыбалко В.М., Оксак А.Е., Игнатъев С.Б.* Химическая травма и ее последствие на здоровье человека // Человек и его здоровье. С.-Петербург, 200. С.9-27.
- Телия В.Н.* Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. С.-Петербург, 1988. С.9-27.
- Урсул А.Д.* Информация. М., 1971. 265с.
- Халперн Д.* Психология критического мышления. С.-Петербург, 2000. 375с.

М.М. Халиков (Россия, Самара)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛАТИНИЦЫ В РУССКОМ ПЕЧАТНОМ ТЕКСТЕ КАК ПРИЕМ ВИЗУАЛЬНОЙ ЭКСПРЕССИИ

Посвященная 80-летию юбилею президента СССР выставка в Манеже была названа: «Горбачев. Perestroika». Одна из ведущих и лучших наших газет опубликовала материал о том, что в русскоязычном Интернете в огромном количестве встречаются сайты и порталы, рассказывающие о несуществующих реалиях и вымышленных событиях. Статья появилась под эффектным семантически многоплановым заголовком «Ничего.net» (Известия. 27.08.2010). На задней панели одного из пассажирских автобусов в Самаре можно прочесть пожелание COMFORTНОЙ ПОЕЗДКИ! Эти примеры относятся к разным типам дискурса и различаются по технике конструирования номинативных структур, а также их семантико-прагматическими качествами. Объединяет их одно – использование латиницы в виде точечных вкраплений в коммуникативно-речевом пространстве русскоязычного письменного текста. Наблюдения показывают, что это довольно распространенное явление и вполне респектабельные тексты прибегают к этому